

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Холодное сердце. Часть вторая, стр. 5

– Ну и горазд ты врать! – засмеялся Петер. – Это ты рассказывай кому–нибудь другому! Думаешь, я не навидался, когда путешествовал, всяких диких животных? Сердца, что у тебя в комнате, искусственные, из воска. Ты богат, спору нет, но колдовать ты не умеешь.

Тут великан рассердился и распахнул дверь в комнату.

– Ну–ка, войди и прочитай ярлыки; вон в той склянке – сердце Петера Мунка, гляди, как оно трепещет. Может ли воск шевелиться?

– И все–таки оно из воска, – отвечал Петер. – Настоящее сердце бьется совсем не так, мое–то все еще у меня в груди. Нет, колдовать ты не умеешь.

– Ладно, я тебе сейчас докажу! – сердито крикнул Михель. – Ты сам почувствуешь, что это сердце твое.

Он взял сердце Петера, распахнул на нем куртку, вынул из его груди камень и показал ему. Потом подышал на сердце и осторожно вставил его на место. Петер сразу почувствовал, как оно забилося, и обрадовался – он снова мог радоваться!

– Ну как, убедился? – улыбаясь, спросил его Михель.

– Да, твоя правда, – отвечал Петер, осторожно доставая из кармана крестик. – Никогда бы не поверил, что можно делать такие чудеса!

– Верно? Как видишь, колдовать я умею. Ну, а теперь давай я вставлю тебе твой камень обратно.

– Тихонечко, господин Михель! – крикнул Петер, сделав шаг назад и держа перед собой крестик. – Попалась рыбка на крючок. На сей раз в дураках остался ты! – И он принялся читать молитвы, какие только мог вспомнить.

Тут Михель стал уменьшаться – он делался все ниже и ниже, потом пополз по полу, извиваясь, словно червь, стена и охая, а сердца вокруг забились и застучали, как часы в мастерской часовщика. Петер испугался, его охватил ужас, и он бросился прочь из комнаты, прочь из дома; не помня себя от страха, вскарабкался он по скале, ибо слышал, как Михель вскочил, стал топтать ногами, бесноваться и слать ему вслед ужасные проклятия. Выбравшись наверх, Петер поспешил на Еловый Бугор. Тут разразилась страшная гроза; слева и справа от него сверкали молнии, раскалывая деревья, но он целым и невредимым достиг владений Стеклянного Человечка.

Сердце его радостно билось, уже потому только, что оно билось. Но вот Петер с ужасом оглянулся на свою жизнь, – она была подобна грозе, которая за минуту перед тем расщепляла вокруг него прекраснейшие деревья. Петер подумал о Лизбет, своей красивой и доброй жене, которую он убил из жадности, и показался себе настоящим извергом; прибежав к обиталищу Стеклянного Человечка, он горько разрыдался.

Хранитель Клада сидел под елью и курил маленькую трубку, но смотрел он куда веселее, чем давеча.

– Что ты плачешь, Петер–угольщик? – спросил он. – Может быть, тебе не удалось получить обратно твое сердце и ты так и остался с каменным?

– Ах, сударь! – вздохнул Петер. – Пока у меня было холодное сердце, я никогда не плакал, глаза у меня были сухими, как земля в июльский зной, но теперь мое собственное сердце рвется на части, лишь подумаю, что я натворил: должников своих я довел до суммы, больных и нищих травил собаками; да вы сами видели, как мой хлыст обрушился на ее прекрасное чело!

– Петер! Ты был великим грешником! – сказал Человечек. – Деньги и праздность развратили тебя, и твое сердце окаменело, перестало чувствовать радость и горе, раскаяние и жалость. Но раскаяние смягчает вину, и, знай я, что ты искренне сожалеешь о своей жизни, я бы мог еще кое–что для тебя сделать.

– Ничего я больше не хочу, – отвечал Петер, горестно повесив голову. – Моя жизнь кончена, мне уж радости не видать; что стану я делать один на всем свете? Матушка никогда не простит мне того, как я над ней издевался, быть может, я, чудовище, свел ее в могилу! А Лизбет, жена моя! Лучше убейте меня, господин Хранитель Клада, тогда уж разом кончится моя злосчастная жизнь!

– Хорошо, – отвечал Человечек, – если такова твоя воля, – топор у меня под рукой.

Он спокойно вынул трубочку изо рта, выбил ее и сунул в карман. Потом неторопливо встал и скрылся в ельнике. А Петер, плача, сел на траву; жизнь для него теперь ничего не значила, и он покорно ждал рокового удара. Немного погодя он услышал у себя за спиной легкие шаги и подумал: «Вот и конец!»

– Оглянись еще разок, Петер Мунк! – воскликнул Человечек.

Петер вытер слезы, оглянулся и увидел свою мать и жену Лизбет, которые ласково глядели на него. Он радостно вскочил на ноги.

– Так ты жива, Лизбет! И вы здесь, матушка, – вы простили меня?

– Они простят тебя, – произнес Стеклянный Человечек, – ибо ты искренне раскаялся, и все будет забыто. Возвращайся теперь домой, в отцовскую хижину, и стань угольщиком, как прежде; если ты будешь трудолюбив и честен, то научишься уважать свое ремесло, а твои соседи будут любить и почитать тебя больше, чем если бы ты имел десять бочек золота.

Вот что сказал Стеклянный Человечек, и на этом он с ними простился.

Все трое не знали, как им хвалить и благословлять его, и счастливые отправились домой.

Великолепного дома Петера–богача больше не существовало; в него ударила молния, и он сгорел вместе со всем богатством; но до отцовской хижины было недалеко, туда и вел теперь их путь, а о потере имущества они нисколько не сокрушались.

Но каково было их удивление, когда они подошли к хижине! Она превратилась в добротный крестьянский дом, убранство его было просто, но удобно и опрятно.

– Это сделал добрый Стеклянный Человечек! – воскликнул Петер.

– Какой прекрасный дом! – сказала Лизбет. – Мне здесь гораздо уютнее, чем в большом доме со множеством слуг.

С тех пор Петер Мунк стал трудолюбивым и добросовестным человеком. Он довольствовался тем, что имел, не утомимо занимаясь своим ремеслом, а со временем без посторонней помощи нажил состояние и снискал уважение и любовь во всем крае. Он никогда больше не ссорился с Лизбет, чтит свою мать и подавал бедным, которые стучались к нему в дверь. Когда через несколько лет Лизбет произвела на свет хорошенького мальчика, Петер отправился на Еловый Бугор и произнес заклинание. Но Стеклянный Человечек не показывался.

– Господин Хранитель Клада! – громко позвал Петер. – Послушайте, мне ничего не надо, я только хочу просить вас быть крестным отцом моему сыночку!

Но никто не отозвался, только налетевший вдруг ветер прошумел в елях и сбросил в траву несколько шишек.

– Ну что ж, раз вы не хотите показаться, возьму–ка я на память эти шишки! – воскликнул Петер, сунул в карман шишки и пошел домой. Когда же дома он снял праздничную куртку и его мать, перед тем как уложить ее в сундук, вывернула карманы, оттуда выпали четыре тяжелых свертка, а когда их развернули, там оказались сплошь новенькие баденские талеры, и среди них ни одного фальшивого. Это был подарок Человечка из елового леса своему крестнику, маленькому Петеру.

С тех пор и жили они мирно и безбедно, и еще много лет спустя, когда у Петера Мунка уже волосы поседели, он не уставал повторять: «Да, уж лучше довольствоваться малым, чем иметь золото и всякие другие богатства и при этом – холодное сердце».

[Назад](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) >> [Дальше](#)